

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРАЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ш.Ш. УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ ЖӘНЕ ЭТНОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

«EDU.E-HISTORY.KZ»
ЭЛЕКТРОНДЫҚ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

2023.10 (3)
шілде-қыркүйек

ISSN 2710-3994

ISSN 2710-3994 (online)

Құрылтайшысы және баспагері: Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитеті Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Ғылыми журнал Қазақстан Республикасы Инвестициялар және даму министрлігінің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде 2014 ж. 29 қазанында тіркелген. Тіркеу нөмірі № 14602-ИА. Жылына 4 рет жарияланады (электронды нұсқада).

Журналда тарих ғылымының *келесі бағыттары* бойынша ғылыми жұмыстар жарияланады: тарих (дүниежүзі және Қазақстан тарихы), деректану және тарихнама, археология, этнология, антропология.

Жарияланым тілдері: қазақ, орыс, ағылшын.

Редакция мен баспаның мекен-жайы:

050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй

ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

E-mail: edu.history@bk.ru

Журнал сайты: <https://edu.e-history.kz>

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты 2022
© Авторлар ұжымы, 2023

БАС РЕДАКТОР

Қабылдинов Зиябек Ермұқанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі, ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының директоры. (Қазақстан)

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА

Аяған Бүркітбай Ғелманұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҒЖБМ ҒК Мемлекет тарихы институты директорының орынбасары. (Қазақстан)

Әлімбай Нұрсан — тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

Әбіл Еркін Аманжолұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы институтының директоры. (Қазақстан)

Вернер Кунтһиа (Werner, Cynthia) — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Техас университеті. (АҚШ).

Голден Кэтти Стромайл (Kathie Stromile Golden) — PhD, Миссисипи өңірлік мемлекеттік университеті (Mississippi Valley State University). (АҚШ)

Кәрібаев Берекет Бақытжанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, «Қазақстан тарихы» кафедрасының меңгерушісі. (Қазақстан)

Қожамжарова Дария Пернешқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университетінің ректоры. (Қазақстан)

Кожирова Светлана Басиевна — саясаттану ғылымдарының докторы, профессор, Фудан Университетінің Қытай және Орталық Азияны зерттеу орталығының мен «Астана» ХҒК бірлескен директоры. (Қазақстан)

Дайнер Александр (Diener Alexander) — тарих ғылымдарының докторы, профессор. Канзас университеті. (АҚШ)

Көкебаева Гүлжауһар Какенқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті. (Қазақстан)

Көмеков Болат Ешмұхамедұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Халықаралық қыпшақтану институтының директоры, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Қазақстан)

Матыжанов Кенжехан Ісләмжанұлы — филология ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі, М.О. Әуезов атындағы әдебиет және өнер институтының директоры. (Қазақстан)

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, Оксфорд университетінің профессоры. (Ұлыбритания)

Муминов Ашірбек Құрбанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ислам тарихы, өнер және мәдениет ғылыми-зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері IRCICA – İslam Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi. (Түркия)

Римантас Желвис (Želvys Rimantas) — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Вильнюс педагогикалық университеті. (Литва)

Самашев Зайнолла Самашұлы — археолог, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Герман археология институтының корр.-мүшесі. ҚР ҒЖБМ ҒК Ә. Марғұлан атындағы Археология институты. (Қазақстан)

Смағұлов Оразақ Смағұлұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Балон ғылым академиясының корр.-мүшесі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы сыйлықтың лауреаты, ғылым мен техниканың еңбек сіңірген қайраткері, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Қазақстан)

Сыдықов Ерлан Бәтташұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ректоры. (Қазақстан)

Таймағамбетов Жәкен Қожахметұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі. (Қазақстан)

ЖАУАПТЫ РЕДАКТОР

Қаипбаева Айнагүл Толғанбайқызы — тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының жетекші ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

ҒЫЛЫМИ РЕДАКТОРЛАР

Қозыбаева Махаббат Мәлікқызы — PhD, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Астана қаласындағы филиалының директоры. (Қазақстан)

Қапаева Айжан Тоқанқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Бас ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

Кубеев Рустем Жаулыбайұлы — Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Копеева Сания Жуматайқызы — Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының қызметкері. (Қазақстан).

ISSN 2710-3994 (online)

Учредитель и издатель: РГП на ПХВ «Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Научный журнал зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан, свидетельство о регистрации: № 14602-ИА от 29.10.2014 г. Публикуется 4 раза в год (в электронном формате).

В журнале публикуются научные работы *по следующим направлениям* исторической науки: история (всемирная история и история Казахстана), источниковедение и историография, археология, этнология, антропология.

Языки публикации: казахский, русский, английский.

Адрес редакции и издательства:

050010 Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко, д. 28

РГП на ПХВ Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК

Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

E-mail: edu.history@bk.ru

Сайт журнала: <https://edu.e-history.kz>

© Институт истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, 2023
© Коллектив авторов, 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Кабульдинов Зиябек Ермуханович — доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. НАН РК, директор Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК. (Казахстан)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алимбай Нурсан — кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

Абиль Еркин Аманжолович — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории государства КН МНВО РК. (Казахстан)

Аяган Буркитбай Гелманович — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории государства КН МНВО РК. (Казахстан)

Вернер Синтия (Werner, Cynthia) — доктор исторических наук, профессор. Техасский университет. (США)

Голден Кэти Стромайл (Kathie Stromile Golden) — PhD, Государственный университет долины Миссисипи (Mississippi Valley State University). (США)

Дайнер Александр (Diener Alexander) — доктор исторических наук, профессор. Канзасский университет. (США)

Исмагулов Оразак Исмагулович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, член-корр. Болонской академии наук, лауреат премии им. Ч.Ч. Валиханова, заслуженный деятель науки и техники, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. (Казахстан)

Карибаев Берекет Бахытжанович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, заведующий кафедрой истории Казахстана, Казахский национальный университет им. аль-Фараби. (Казахстан)

Кожамжарова Дария Пернешовна — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, ректор Южно-Казахстанского университета им. М. Ауэзова. (Казахстан)

Кожирова Светлана Басиевна — доктор политических наук, профессор, содиректор Центра исследования Китая и Центральной Азии Фуданьского Университета и МНК «Астана», руководитель Центра китайских и азиатских исследований. (Казахстан)

Кокебаева Гульжаухар Какеновна — доктор исторических наук, профессор Казахского национального педагогического университета имени Абая. (Казахстан)

Кумеков Болат Ешмухамбетович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, директор Международного института кипчаковедения Казахского национального университета имени аль-Фараби, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. (Казахстан)

Матыжанов Кенжехан Слямжанович — доктор филологических наук, профессор, чл.-корр. НАН РК, директор Института литературы и искусства им. М. Ауэзова. (Казахстан)

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, профессор Оксфордского университета. (Великобритания)

Муминов Аширбек Курбанович — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Исследовательского центра исламской истории, искусства и культуры. IRCICA – İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi. (Турция)

Римантас Желвис (Želvys Rimantas) — доктор педагогических наук, профессор, Вильнюсский педагогический университет. (Литва)

Самашев Зайнолла Самашевич — археолог, доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. Германского археологического института. Институт археологии им. А. Маргулана КН МНВО РК. (Казахстан)

Сыдыков Ерлан Батташевич — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, ректор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. (Казахстан)

Таймагамбетов Жакен Кожаметович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, Национальный музей РК. (Казахстан)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Каипбаева Айнагуль Толганбаевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Козыбаева Махаббат Маликовна — PhD, директор филиала в г. Астана Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

Капаева Айжан Токановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

Кубеев Рустем Джаулыбайулы — научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

Копеева Сания Жуматаевна — сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

ISSN 2710-3994 (online)

Founder and publisher: RSE on REM “Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology” of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan

The scientific journal is registered at the Committee for Communications, Informatization and Information of the Ministry for Investments and Development of the Republic of Kazakhstan, registration certificate: No. 14602-ИА dated October 29, 2014. The journal is published 4 times a year (in electronic format).

The journal publishes scientific works in the *following areas* of historical science: history (world history and history of Kazakhstan), source studies and historiography, archeology, ethnology, anthropology.

Publication languages: Kazakh, Russian, English.

Editorial and publisher address:

28 Shevchenko Str., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan

RSE on REM Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology CS MSHE of the Republic of Kazakhstan

Tel.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

E-mail: edu.history@bk.ru

Journal website: <https://edu.e-history.kz>

© Ch.Ch. Valikhanov Institute
of History and Ethnology, 2023

© Group of authors, 2023

EDITOR-IN-CHIEF

Kabuldinov Ziabek Ermukhanovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Director of Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology SC MSHE RK. (Kazakhstan)

EDITORIAL BOARD

Alimbay Nursan — Candidate of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

Abil Yerkin Amanzholovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History of the State CS MES RK. (Kazakhstan)

Ayagan Burkitbai Gelmanovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of History of the State SCMSHE RK. (Kazakhstan)

Werner, Cynthia — Doctor of Historical Sciences, Professor, Texas university. (USA)

Golden Kathie Stromile — PhD, Mississippi Valley State University. (USA)

Ismagulov Orazak Ismagulovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Corresponding Member of Bologna Academy of Sciences, winner of Ch.Ch. Valikhanov Award, Honored Worker of Science and Technology, Professor of L.N. Gumilyov University. (Kazakhstan)

Karibayev Bereket Bakhytzhonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Head of the Department of History of Kazakhstan, Al-Farabi Kazakh National University. (Kazakhstan) **Kozhamzharova Daria Perneshovna** — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the NAS of the Republic of Kazakhstan, rector of the M. Auezov South Kazakhstan University. (Kazakhstan)

Kozhirova Svetlana Bassieвна — Doctor of Political Science, Professor, Co-Director of the Center for the Study of China and Central Asia of Fudan University and the International Scientific Complex of the National Company "Astana", Head of the Center for Chinese and Asian Studies. (Kazakhstan)

Diener Alexander — Doctor of Political Science, Professor, University of Kansas. (USA)

Kokebayeva Gulzhaukhar Kakenovna — Doctor of Historical Sciences, Professor at the Abai Kazakh National Pedagogical University. (Kazakhstan)

Kumekov Bolat Eshmukhambetovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Director of the International Institute of Kipchak Studies of the Al-Farabi Kazakh National University, Professor at L.N. Gumilyov Eurasian National University. (Kazakhstan)

Matyzhanov Kenzhekhan Slyamzhanovich — Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the NAS RK, Director of M. Auezov Institute of Literature and Art. (Kazakhstan)

Morrison Alexander — PhD, Professor, University of Oxford. (UK)

Muminov Ashirbek Kurbanovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Research Center for Islamic History, Art and Culture. IRCICA (İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi). (Turkey)

Rimantas Želvys — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vilnius Pedagogical University. (Lithuania)

Samashev Zainolla Samashevich — archaeologist, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of German Archaeological Institute. A. Marghulan Institute of Archeology SC MSHE RK. (Kazakhstan)

Sydykov Erlan Battashevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Rector of L.N. Gumilyov Eurasian National University. (Kazakhstan)

Taimagambetov Zhaken Kozhakhmetovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National Museum of the Republic of Kazakhstan. (Kazakhstan)

EXECUTIVE EDITOR

Kaipbayeva Ainagul Tolganbayevna — Candidate of Historical Sciences, leading researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Kazakhstan).

ACADEMIC EDITOR

Kozybayeva Makhabbat Malikovna — PhD, Director of Astana branch of the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

Kapaeva Aizhan Tokanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

Kubeyev Rustem Dzhaulbayuly — researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

TECHNICAL SECRETARY

Kopeyeva Saniya Zhumataevna — researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

ТЕОРИЯ ЖӘНЕ ӘДІСНАМА / ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ / THEORY AND METHODOLOGY

Published in the Republic of Kazakhstan
 Electronic scientific journal “edu.e-history.kz”
 Has been issued as a journal since 2014
 ISSN 2710-3994.
 Vol. 10. Is. 3, pp. 424–438, 2023
 Journal homepage: <https://edu.e-history.kz>

FTAXP / МРПТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2023_35_3_424-438

CRITICAL ANALYSIS OF THE REFERENCE AND NORMATIVE STEREOTYPES OF THE SOVIET METHODOLOGY IN THE STUDY OF SOME ISSUES OF AUL SOCIO-ECONOMIC HISTORY IN THE 1920S

Zhulduzbek B. Abylkhochin¹

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
 (28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
 Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher
 <https://orcid.org/0000-0002-9941-059X>. E-mail: abylkhozhin@mail.ru

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2023
 © Abylkhochin Zh.B., 2023

Abstract. The subject-target settings of this article are focused on a critical analysis of some methodological paradigms developed in Soviet historiography regarding the socio-economic processes that took place in the pre-kolkhoz Kazakh aul (1920s). At one time, they, being determined by the political and ideological conjuncture, acquired the character of a rigid reference-normative methodological imperative. It would seem, what is the point of revisiting past stereotypes, because they have long lost their real background? However, the force of inertia of those ideas often manifests itself in modern historiography. In the material proposed in this regard, this can be seen on the example of such issues as the degree of integration of the aul into commodity-money relations, the transformation of Kazakh subsistence farms into small-scale production, which were considered in Soviet historiography as potential prerequisites for the penetration of capitalist relations almost into traditional structures. At the same time, let's say, although they do not directly refer, but, as they say, they "keep in mind" Lenin's well-known statements about the role of the small-scale commodity system. Meanwhile, in modern literature (especially economics), the absolutization and categorical nature of some of these maxims are questioned even in relation to the Russian countryside (this will be mentioned in the article). Or take the still favorite way of proving the integration of Kazakh economies into market, commodity-money relations, illustrations of the growth of trade turnover of fair trade, credit cooperation, etc. In a word, appeals to the usual, but incorrect cause-and-effect relationships as an argumentation tool have not yet lost their relevance, which, in fact, actualizes their criticism.

Keywords: Methodology, historiography, small-scale production, commodity-money relations, stages of the reproduction process, marketability, Kazakh aul

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the grant funding project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan “Ideological discussions of the 20–50s of the 20th century and their impact on the deformation of scientific historical knowledge in the Soviet and post-Soviet times” (IRN: AP 19680622).

For citation: Zhulduzbek B. Abylkhochin. Critical analysis of the reference and normative stereotypes of the soviet methodology in the study of some issues of aul socio-economic history in the 1920s // Electronic scientific journal "edu.e-history.kz". 2023. Vol. 12. No. 3. Pp. 424–438. (In Russ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2023_10_3_424-438

1920 ЖЫЛДАРДАҒЫ АУЫЛДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ТАРИХЫНЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІН ЗЕРТТЕУДЕГІ КЕҢЕСТІК ӘДІСНАМАНЫҢ ЭТАЛОНДЫҚ-НОРМАТИВТІК СТЕРЕОТИПТЕРІНЕ СЫНИ ТАЛДАУ

Жулдузбек Бекмухамедович Абылхожин¹

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
 <https://orcid.org/0000-0002-9941-059X>. E-mail: abylkhochin@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов ТЭИ, 2023

© Абылхожин Ж.Б., 2023

Аңдатпа. Мақаланың пәндік-мақсаттық нұсқамалары колхозға дейінгі қазақ ауылында (1920 ж.) болған әлеуметтік-экономикалық үдерістерге қатысты кеңестік тарихнамада жасалған кейбір әдіснамалық парадигмаларды сыни тұрғыдан талдауға бағытталған. Кезінде олар саяси-идеологиялық конъюнктурамен айқындала отырып, қатаң анықтамалық-нормативтік әдістемелік императив сипатына ие болды. Бұрынғы стереотиптерді қайта қараудың мәні неде, олар өздерінің нақты астарын әлдеқашан жоғалтқан еді ғой? Дегенмен, сол идеялардың инерциялық күші қазіргі тарихнамада жиі көрініс береді. Осыған байланысты, ұсынылған материалда мұны, капиталистік қатынастардың дәстүрлі құрылымдарға дерлік енуінің әлеуетті алғышарттары ретінде, кеңестік тарихнамада қарастырылған ауылдың тауар-ақша қатынастарына біріктіру дәрежесі, қазақтардың қосалқы шаруашылықтарын ұсақ өндіріске айналдыру сияқты мәселелер мысалынан көруге болады. Бұл ретте, айталық, олар тікелей сілтеме жасамаса да, олар айтқандай, ұсақ тауар жүйесінің рөлі туралы Лениннің белгілі тұжырымдарын «ойда сақтайды». Сонымен қатар, қазіргі әдебиетте (әсіресе экономикада) бұл асыра сілтеушіліктердің кейбірінің абсолюттенуі және категориялық сипаты тіпті орыс ауылына қатысты да күмән тудырады (бұл мақалада айтылады). Немесе, қазақстандық экономикалардың нарыққа, тауар-ақша қатынастарына интеграциялануын дәлелдеудің әлі де сүйікті әдісін алайық, сауда айналымының өсу иллюстрациялары жәрмеңке саудасы, несиелік кооперация және т.б. Түйіндей айтқанда, дәлелдеу құралы ретінде кәдімгі, бірақ дұрыс емес себеп-салдарлық байланыстарға жүгіну әлі де сұранысын жоғалтқан жоқ, бұл шын мәнінде олардың сынын өзекті етеді.

Түйін сөздер: Әдістеме, тарихнама, ұсақ тауар өндірісі, тауар-ақша қатынастары, ұдайы өндіру процесінің сатылары, тауарлық, қазақ ауылы

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «XX ғасырдың 20–50 жылдарындағы идеологиялық пікірталастар және олардың кеңестік және посткеңестік кезеңдегі ғылыми тарихи білімнің деформациясына әсері» гранттық қаржыландыру жобасын іске асыру шеңберінде дайындалған (ЖТН: АР 19680622).

Дәйексөз үшін: Абылхожин Ж.Б. 1920 жылдардағы ауылдың әлеуметтік-экономикалық тарихының кейбір мәселелерін зерттеудегі кеңестік әдіснаманың эталондық-нормативтік стереотиптеріне сыни талдау // «edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы. 2023. Т. 10. № 3. 424–438 бб. (Орыс.). DOI: 10.51943/2710-3994_2023_10_3_424-438

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТАЛОННО-НОРМАТИВНЫХ СТЕРЕОТИПОВ СОВЕТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АУЛА 1920-Х ГГ.

Жулдузбек Бекмухамедович Абылхожин¹

¹Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
 <https://orcid.org/0000-0002-9941-059X>. E-mail: abylkozhin@mail.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2023

© Абылхожин Ж.Б., 2023

Аннотация. Предметно-целевые установки данной статьи ориентированы на критический анализ некоторых методологических парадигм, выработанных в советской историографии по поводу социально-экономических процессов, протекавших в доколхозном казахском ауле (1920-е гг.). В свое время они, будучи детерминированными политико-идеологической конъюнктурой, обрели характер жесткого эталонно-нормативного методологического императива. Казалось бы, какой смысл вновь обращаться к прошлым стереотипам, ведь они уже давно утратили свою реальную подоплеку? Однако сила инерции тех представлений нередко проявляется в современной историографии. В предлагаемом в этой связи материале это прослеживается на примере таких вопросов, как степень интеграции аула в товарно-денежные связи, трансформация казахских натурально-потребительских хозяйств в мелкотоварное производство, рассматривавшихся в советской историографии в качестве потенциальных предпосылок проникновения капиталистических отношений чуть ли не в традиционные структуры. При этом, скажем, хотя прямо и не ссылаются, но, как говорится, «держат в уме» известные высказывания Ленина по поводу роли мелкотоварного уклада. Между тем в современной литературе (особенно экономической) абсолютизация и категоричность некоторых таких максим подвергаются сомнениям даже применительно к российской деревне (об этом будет упомянуто в статье). Или взять остающийся по-прежнему излюбленным способом доказательств интеграции казахских хозяйств в рыночные, товарно-денежные отношения иллюстрации роста товарооборотов ярмарочной торговли, кредитной кооперации и т.п. Одним словом, обращения к привычным, но неверным причинно-следственным связям как инструменту аргументации еще не утратили своей востребованности, что, собственно, и актуализирует их критику.

Ключевые слова: Методология, историография, мелкотоварное производство, товарно-денежные отношения, стадии воспроизводственного процесса, товарность, казахский аул

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Идеологические дискуссии 20–50-х гг. XX века и их воздействие на деформацию научного исторического знания в советское и постсоветское время» (ИРН: АР 19680622).

Для цитирования: Абылхожин Ж.Б. Критический анализ эталонно-нормативных стереотипов советской методологии в изучении некоторых вопросов социально-экономической истории аула 1920-х гг. // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2023. Т. 10. № 3. С. 424–438. (На рус.). DOI: 10.51943/2710-3994_2023_10_3_424-438

Введение

Похоже, в современной казахстанской историографии стала уже тривиальной процедура, когда исследователи предваряют свой дискурс своеобразной мантрой по поводу методологического плюрализма. Под таким заклинанием подразумевается, что предлагаемый нарратив якобы «очищен» от влияний марксистско-ленинской догматики, европоцентристских привязок и уж конечно, не страдает так называемым «постколониальным синдромом».

Однако дежурная риторика нередко расходится с реальной исследовательской практикой, когда на

самом деле та или иная доказательная аргументация выстраивается, пускай и в имплицитных или неких превращенных формах, но посредством апелляции именно к прошлому (привычному) методологическому инструментарию. Иначе говоря, концептуально-методологические установки, оформившиеся в ходе дискуссий 1920-1960-х и более поздних годов в обязательный нормативно-идеологический эталон, если и не определяют, то продолжают своей инерцией оказывать влияние на исследовательскую практику.

Не случайно сохраняются, так сказать, «в рабочем состоянии» методологические стереотипы о якобы «феодальности» («полуфеодальности», «патриархальной феодальности») и «классовости» общественных (производственных) отношений в традиционных структурах, а это прямое влияние как раз таки марксистско-ленинских теорий общественно-экономических формаций и классовой борьбы; патриархально-генеалогические (родоплеменные) и регионально-партикуляристские (жузовые) ассоциативные опосредования, пронизывавшие номадный социум и выполнявшие важнейшую функцию в структуре его воспроизводственных связей, как и раньше, обозначаются «патриархально-родовыми пережитками», т.е. некими остаточными рудиментами; локальные явления стихийного перехода кочевников и полукочевников на оседлое земледелие интерпретируется не как следствие кризиса скотоводческого хозяйства в поздний период колониальной политики и в первое советское десятилетие, а якобы результат освоения номадами «передового» хозяйственного опыта (читай: цивилизаторской миссии Российской империи, а позднее – «цивилизаторской» же озабоченности Советской власти). Если иметь в виду, что европейская традиция, полностью игнорируя обусловленность номадного способа производства природно-климатическими императивами (в частности, фактором аридности), представляла «кочевые» общества как «цивилизационно примитивные», а вслед за Европой такой же «оптики» придерживалась и российская колониальная доктрина, то можно сказать в этой связи, что в полемике по поводу перехода скотоводов на оседлое земледелие ощущается присутствие потаенного «комплекса стыдливости» за наших предков, а это и есть проявление «постколониального» (в советской модификации – «постимперского») синдрома, замешанного к тому же на европоцентристских стереотипах.

Перечень проблематик, в рассмотрении которых продолжают «отсвечивать» прошлые, по сути, идеологизированные когнитивные матрицы, можно было бы продолжать. И это был бы весьма длинный ряд. Однако в данной статье речь пойдет лишь о проблеме так называемой товаризации и мелкотоварного производства в среде казахских доколхозных хозяйств, т.е. степени их интеграции в товарно-денежные отношения. Этот вопрос представляется важным, поскольку он имеет не какой-то узко обособленный научный интерес (как может показаться в первом приближении), но обнаруживает причинно-следственные проекции системного характера, на фоне которых отчетливо проступают прошлые ошибочные методологические аргументы.

Если сильно упрощенно, то, как известно, основатели «научного коммунизма», предвещая грядущую пролетарскую революцию, обосновывали ее неизбежность нарастающим обострением глубоко антагонистических противоречий между трудом и капиталом, т.е. буржуазией и рабочим классом. После Октябрьской революции 1917 г. идея «классовой борьбы» стала одной из несущих конструкций советской государственной индоктринации. Она актуализировала политико-идеологический запрос на поиск везде и всюду классовой борьбы, включая аграрную периферию.

А спрос, говоря известной метафорой, порождает предложение. В 1920-е гг. советские пропагандисты-маргиналы (дилетанты от марксизма) стали «обнаруживать» проявления капиталистических отношений даже в казахском ауле. Так, зав. Отделом печати Казкрайкома ВКП(б), Г. Тогжанов в своей книге «О казахском ауле», вышедшей в 1927 г., в числе прочего утверждал, что «таких буржуа (подобных кулакам в русской деревне – Ж.А.) можно встретить в одного типа, ... то и другое – товарное хозяйство с капиталистическим способом производства» (Тогжанов, 1927: 9–10).

Рассуждения Тогжанова почти точь в точь перешли в официальные партийные публикации. Так, в материалах к отчету ЦИК Казахской АССР на сессии ВЦИК (1928 г.) категорично утверждалось: «К началу двадцатого столетия крупное полуфеодальное байство в основном успело перевести свое хозяйство на капиталистические рельсы» (Материалы, 1928: 18). В обращении ЦИК КАСССР к трудящимся республики по поводу предстоящей конфискации скота у баев – полуфеодалов, давалось следующее разъяснение: «Рядовой бай есть в каждом хозяйственном ауле, его хозяйство держится на товарно-капиталистической основе..., в основном, такой рядовой казахский бай не отличается от русского кулака (т.е. сельского буржуа – Ж.А.)» (Ко всем трудящимся Казахстана, 1928: 128).

В трудах конференции по изучению производительных сил Казахстана, состоявшейся в феврале 1932 г. в АН СССР, читаем: «Старый господствующий класс – байство ... боролся отчаянно ... чтобы сохранить старые традиции капиталистического развития». В одном из отчетов экспедиции, проведенной в 1928 г. в скотоводческих районах Джетысуйской губернии под руководством крупного ученого, профессора А.А. Рыбникова, утверждается, что удельный вес «мелкокапиталистических хозяйств приближается в ауле к 7 %» (Казахстан, 1930: 9).

Уже из приведенных выше выдержек заметно, что в своей преобладающей части довоенная публицистика (обозначавшаяся как «марксистская» в отличие от нарративов так называемых «местных националистов и шовинистов», реалистичность которых требует специального рассмотрения) была одержима стремлением во чтобы то ни стало обнаружить в казахском ауле нормативно-эталонные, т. е. «в духе марксизма» предпосылки классовой борьбы. По-видимому, понимание вульгарно-утрированного характера таких представлений партийно-советской, по сути, публицистики подвигло более позднюю историографию (1960–1980-х гг.) подойти к данной проблеме, так сказать, с другой стороны. А именно через рассмотрение якобы нараставших в ауле 1920-х гг. процессов товаризации казахских хозяйств и развития в их массиве мелкотоварного производства.

При этом, понятно, руководствовались хрестоматийными и якобы аксиоматическими ленинскими постулатами. Во-первых, о том, что в развитии капиталистических отношений решающую роль играют две фазы: «1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное; 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое» и, во-вторых, что: «Мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом размере» (Ленин, 1965–1975: т. 1, 87; т. 41, 6). Одним словом, дескать, товарно-денежные отношения и простое товарное производство сами по себе способны постоянно и непременно порождать капиталистические отношения (Когнитивные структуры, 2022: 92–93). При этом, понятно, никто не рисковал, даже внутренне задуматься, почему же в таком случае ничего подобного не происходило, допустим, в античных Греции и Риме, где столетия существовали простое товарное производство и товарообмен? (Когнитивные структуры, 2022: 92–93).

Беспроборно апеллируя к ленинским схемам, исследователи выстраивали логические конструкции своих нарративов. Сначала утверждалось, что к концу 1920-гг. «средняк стал центральной фигурой казахского аула» (Дахшлейгер, 1965: 413). Далее различными, но при этом селективными иллюстративными материалами показывалась якобы «втянутость» середняцких хозяйств аула в товарно-денежные, рыночные отношения, а потому, дескать, середняки – это массовые субъекты мелкотоварного производства, которое, как учил Ленин, суть платформа для капиталистической трансформации. А отсюда, как говорится, было рукой подать до процессов классового образования, капиталистических отношений, а соответственно, и классовой борьбы. Вот такая простая, и главное, удобная и, конечно, безопасная (ведь ссылки на Ленина) логика.

Именно в связи с такими представлениями в литературе получила распространение методика, нивелирующая какую-либо разницу между товарным и середняцким типами хозяйств, т.е. фактически признающая их тождество. Примечательно, что исходящая отсюда посылка со временем трансформировалась в нечто непреложное, само собой разумеющееся. Абсолютизируя ее именно в таком качестве, отдельные исследователи легко подменяют одно понятие другим, преступая тем самым демаркационную линию, разграничивающую различные таксономические уровни. В результате очень часто середняцкие хозяйства почти автоматически наделяются статусом носителей мелкотоварного уклада, а осереднячивание аула рассматривается не как процесс чисто имущественных подвижек казахских хозяйств, а как сущностный аналог их «мелкотоварной» трансформации (Амантаев, 1969: 82).

Подобная аберрация имеет место во многих работах, посвященных истории доколхозного аула. В качестве типичного примера смешения процессов осереднячивания и товаризации приведем следующий отрывок: «Одно из социально – экономических следствий революционно – демократических преобразований, осуществленных в 1926–1928 годах в ауле состояло в превращении многих тысяч бедняцких хозяйств в хозяйства мелких производителей, основанных на товарно-денежных отношениях». (Кшибеков, 1963: 119). Вряд ли кто-то будет оспаривать, что реформы 1920-х гг. способствовали некоторому увеличению удельного веса середняцкой группы хозяйств. Но это была не более чем арифметическая, формальная статистика. Она концентрировала внимание на том, сколько хозяйств,

имевших более 25 голов скота, было до реформ и сколько стало после их проведения. При этом, конечно же, игнорировались, с одной стороны, необходимость таких хозяйств интегрироваться в традиционную структуру экономических и внеэкономических воспроизводственных связей, а с другой – традиционные же институты соционормативного отчуждения продукта труда и механизмы реципрокации (это особая тема, требующая специального рассмотрения, поэтому ограничимся здесь лишь констатацией этой институции). С учетом сказанного можно утверждать, что так называемые «средняцкие» хозяйства в реальной практике не меняли своего социального статуса. Еще менее правомерно утверждать, что, переходя в средняцкую группу, бедняцкое хозяйство становилось в то же время и товарным. Материалы фиксируют множество случаев, когда то или иное хозяйство, приближаясь по своим чисто физическим параметрам (количество голов скота, десятин и т. д.) к рубежу средняцкой группы, в то же время оставалось глубоко натуральным, никак не связанным с рынком.

Тем не менее привычные методики с опорой на формальную статистику и публицистику 1920-х гг. продолжали доминировать в историографии. Так, в одной из известных работ пишется: «Во второй половине 20-х годов значительно ускорилась денатурализация хозяйственного строя кочевого и полукочевого аула». И далее: «Различия между деревней и аулом, с одной стороны, аулом кочевым и полукочевым – с другой, в смысле связей с рынком частично сгладились, хотя они еще не стали одинаковыми» (Дахшлейгер, 1965: 261–283, 405–422).

Данные выводы артикулируются и в обобщающей работе «История крестьянства Советского Казахстана» (Алма-Ата, 1985), где подчеркивается:

«Оседлый земледельческий аул практически мало чем отличался от деревни. И там и тут преобладал уклад мелкотоварный. В кочевом и полукочевом ауле патриархально – феодальный уклад был в основном ликвидирован, но еще сохранялся, особенно в отдаленных от железных дорог и городов районах. Значительно расширилась в нем сфера действия мелкотоварного уклада. Патриархально – феодальный уклад уже не определял социально-экономическое лицо кочевого и полукочевого аула» (Дахшлейгер, Нурпейсов, 1985: 143).

Между тем методологическая диверсификация исследований в обозначенном направлении способствовала получению результатов, кардинально меняющих привычные представления. Правда, продуцировались они на материалах стран Азии и Африки, поскольку собственно советская тематика была табуирована от всяких там «пересмотров», т.е. запросто можно было заполучить ярлык «ревизионистов». Синтезированное на «восточном» эмпирическом уровне знание вывело на наблюдение того обстоятельства, что показатель, товарного выхода продукта, к которому столь часто апеллируют исследователи, не может рассматриваться как адекватное проявление товарности производства, и главным образом, в силу характерного для традиционного сектора разрыва в уровнях товаризации результатов производства (конечный продукт отрасли) и воспроизводственного процесса (доля товарного продукта во всем потребляемом в производстве продукте). Поскольку производство меновых стоимостей здесь немного опережало реальные масштабы общественного разделения труда, уровень товаризации продукта в стадии его выхода на рынок оказывался существенно выше (Растянников, 1976: 180–183; Широков, 1976: 186).

Это предполагало, что в контексте традиционных аграрных структур необходимо отличать товаризацию сельского хозяйства как отрасли от товаризации индивидуального крестьянского хозяйства. В связи с уточненными особенностями первостепенное значение было признано за анализом продукта «по показателям натуральных и товарных элементов в фазе его потребления в воспроизводственном процессе» (Растянников, 1973: 67). Такой подход позволяет обозначить степень интеграции крестьянского хозяйства в опосредованное рыночным обменом общественное разделение труда, которое, как известно, является основой товарного производства. Иначе говоря, с выявлением действительных масштабов товарного возмещения через рынок и товарно-денежные отношения компонентов воспроизводства более всего возможно определить реальный уровень товарности собственно производства, при этом ни в коей мере не отождествляя ее с товаризацией конечного продукта сельскохозяйственной отрасли.

В товаризации воспроизводственного процесса выделяются две стадии. Первая связывается с проникновением товарно-денежных отношений в сферу личных потребностей, вторая – производственных. При этом подавляющая часть исследователей склонна видеть главный момент данной трансформации на второй стадии, на которой товарные формы овладевают воспроизводством средств

производства, когда, говоря словами К. Маркса, «весь круг предметных условий, требующихся для производства одного – единственного товара: сырье, орудия, вспомогательные материалы и т. д. – входит в его производство в качестве товаров» (Маркс, Энгельс, 1973: 332). Более чем однозначно эта точка зрения сформулирована в следующем тезисе: «Как бы тесна ни была связь крестьянского хозяйства с рынком, сколь бы высокой ни оказалась доля производимой им товарной продукции, пока товарно-денежные отношения не развиваются настолько, чтобы вторгнуться в воспроизводство средств производства, это хозяйство в основе своей остается натуральным» (Данилов и др., 1977: 23).

Для рассмотрения степени развития данного процесса применительно к казахскому аулу 1920-х гг. можно воспользоваться материалами переселенческой партии, обследовавшей в 1927 г. экономику 3500 казахских хозяйств южной части Омской губернии. (В разработку включены хозяйства как скотоводческого, так и комплексного типа: 96, 9 % хозяйств имели посевы, площадь которых в среднем на хозяйство составляла около 4 десятин) (Студенецкий, 1929). Хотя выбранный район и не входит в границы собственно Казахстана, он по целому ряду ориентиров может быть признан как типичный, и, следовательно, полученные по нему выводы с определенным допущением правомерно экстраполировать на большую часть территории расселения казахских хозяйств. Кроме того, эти материалы привлекают добротностью данных – они тщательно обработаны, техника группировки их филигранна, качество дифференциации описываемых объектов по широкому набору признаков, в том числе по критериям хозяйственно – типовой ориентации и социальному статусу, высокое.

И, наконец, самое главное, что побудило обратиться к этим материалам, – это местоположение района. Южная часть Омской губернии – территория, примыкающая к сибирской железнодорожной магистрали и ряду крупных рынков, в первую очередь городу Омску. Вместе с тем этот район являл собой своеобразную маргинальную зону, где, благодаря интенсивным этнокультурным контактам, происходило ускоренное накопление факторов, трансформировавших традиционный комплекс. Ясно, что подобная концентрация исключительно благоприятных предпосылок должна была способствовать динамичному «размыванию» натурально – потребительской автаркии аула в данном районе. Но это, как говорится, в теоретическом идеале. В реальной же действительности глубина расщепления воспроизводственного процесса товарно-денежными отношениями могла и не достигать расчетно-гипотетических характеристик. В этом случае, согласно элементарной логике, будет правомерным предположить, что в районах, подверженных действию модернизированных векторов в относительно меньшей степени, пределы денатурализации находились на еще более низком уровне.

Для начала попытаемся проследить масштабы проникновения в казахские хозяйства описываемого района сельскохозяйственного инвентаря. В этом отношении представляют интерес данные по обеспеченности последним в расчете на 100 хозяйств, в шт. (Таблица 1) (Студенецкий, 1929: 77).

Таблица 1. Данные по обеспеченности сельскохозяйственным инвентарем
[Table 1. Data on the provision of agricultural implements]

Год	Плуги и букеры	Бороны	Сеялки	Хлебоубо-рочные машины	Сено-Уборочные машины	Сепараторы
1920	24,5	29,4	0,6	3,3	30,9	3,4
1927	26,0	39,3	1,2	5,1	42,2	18,6

Если сравнивать 1920 и 1927 гг. (первый отражал период кризисной депрессии, второй – период завершения восстановительных процессов), то нельзя не заметить нарастающую диспропорциональность в обеспеченности сельхозинвентарем. Но темпы ее были явно недостаточны, чтобы говорить о резком расширении сферы влияния рынка орудий труда на экономику казахских хозяйств в данном районе. Очевидность этого факта лишний раз подчеркивается сопоставлением соответствующих показателей по казахским и русским хозяйствам этой территории. Так, стоимость сельхозинвентаря в среднем на одно хозяйство составило в ауле 106 руб., тогда как в деревне – 442 руб., т.е. налицо была более чем четырехкратная диспропорция (Студенецкий, 1929: 78).

Понятно, что приведенные сведения требуют социальных корректировок, поскольку концентрация орудий труда в различных социально-экономических группах была далеко не одинаковой. В этом плане приемлемы материалы по «разбивке» хозяйств по стоимости наличного сельхозинвентаря (в руб.), таблица 2 (Студенецкий, 1929: 119).

Таблица 2. Данные по группированию хозяйств по стоимости наличного сельхозинвентаря (в руб.)
 [Table 2. Data on grouping farms by the cost of available agricultural equipment (in rub.)]

Группы	Без с/х инвентаря	До 50	50-100	100-200	200-400	400-1000	Свыше 1000
В % от общего числа хозяйств	35,1	28,0	16,6	14,0	5,2	0,9	0,2

Как видно, 35, 1 % хозяйств, т.е. более чем одна их треть, вообще не имели сельхозинвентаря. В интервале с обеспеченностью им до 400 руб. было сосредоточено 63,0 всех хозяйств. Если учесть индекс цен на сельскохозяйственные орудия и активную рыночную конъюнктуру, то эти хозяйства следует отнести к группе, характеризующейся недостаточной обеспеченностью сельхозинвентарем. От 40 до 55 % скотоводческих и комплексных хозяйств района прибегали к найму чужого инвентаря преимущественно за натуральную плату и отработки. В балансе найма – сдачи сельскохозяйственных орудий хозяйства всех социальных групп имели отрицательное сальдо. Даже зажиточные и байские хозяйства вступали в контакты с территориально соседствующей деревней по линии аренды сельхозорудий, главным образом сложных их видов (молотилок, хлебоуборочных и сеноуборочных машин) (Студенецкий, 1929: 122).

Слабая ориентация на рынок проявлялась и в характере воспроизводства основных элементов индивидуальной производственной инфраструктуры. Если во времени сдвиги здесь еще были как-то заметны (по сравнению с наблюдениями дореволюционных исследователей), то в смысле качественной эволюции сохранились весьма скромные масштабы. Примером тому могут служить показатели обеспеченности хозяйств постройками производственного назначения. Они выявили, что даже в самой верхней социальной группе (с обеспеченностью средствами производства более 3 тыс. руб.) в среднем на хозяйство приходилось 0,9 единицы амбаров, 0,4 хлебов и утепленных скотских дворов, 1,5 закрытых холодных дворов, 0, 4 сараев, 1,6 колодцев и построек, не имеющих определенного назначения (Студенецкий, 1929: 82–83). И это несмотря на то, что в хозяйствах этой группы до 29 % валового дохода формировалось уже за счет продукции земледелия, что свидетельствовало о комплексном характере производства. Данное обстоятельство, взятое само по себе, должно было вызвать некоторую диверсификацию структуры и качества хозяйственных объектов, и следовательно, усиление связи данного компонента воспроизводства с рынком. Однако этого не произошло. Набор производственных объектов, технология построек и приемы их амортизации продолжали базироваться на традиционной основе, которая не требовала сколько-нибудь серьезного отвлечения средств и обращения к рынку.

Усеченный характер капиталовложений был свойственен всем социальным группам аула. Корреляция между мощностью и величиной капитальных вложений не была сильно выражена. Если рассмотреть группировку хозяйств по стоимости средств производства, то можно заметить, что по мере удаления от первой (низшей) группы и приближения к последней (верхней) показатель, характеризующий мощность хозяйства (т.е. стоимость средств производства), возрастает почти в 30 раз, в то время как разница в объемах капиталовложений между двумя крайними группами всего двукратная (Студенецкий, 1929: 84).

Итак, анализ ряда частных показателей выявляет, что экономика казахских хозяйств исследованного района, несмотря на совокупность благоприятных факторов (о них речь шла выше) не показывала серьезной зависимости воспроизводства средств производства от опосредованного товарно-денежными отношениями рыночного обмена. По-видимому, еще меньшие сдвиги в этом направлении были на более отсталых в социальном и экономических отношениях этажах традиционной структуры, где факторы товаризации подавлялись консервативным комплексом.

Чтобы проверить эту версию, рассмотрим материалы, полученные в 1928 г. Наркомземом КАССР по типичным казахским земледельческим хозяйствам северных округов республики (ярко выраженная земледельческая зона); в их массиве, в частности, сохранились данные по обеспеченности сельхозинвентарем (табл. 3) (Семевский, 1941: 101).

Таблица 3. Обеспеченность казахских хозяйств северных округов сельхозинвентарем (% от общего их числа)
 [Table 3. Provision of Kazakh farms in the northern districts with agricultural equipment (% of their total number)]

Социальные группы	Хозяйства		
	Без всякого инвентаря	С простейшим инвентарем	С усовершенствованным инвентарем
Петропавловский округ			
Бедняцкая	95,5	0,0	0,9
Среднеобеспеченная	83,2	8,9	3,3
Байская	37,5	9,5	36,6
Павлодарский округ			
Бедняцкая	99,4	0,6	0,0
Среднеобеспеченная	85,8	8,6	4,5
Байская	57,1	14,6	27,4

К сожалению, в комментариях к таблице никак не объясняются критерии и методика разгруппировки хозяйств по социальным группам. Скорее всего, здесь не обошлось без серьезных просчетов: иначе трудно объяснить явную заниженность (а в ряде случаев завышенность) некоторых показателей. И тем не менее, несмотря на имеющиеся статистические погрешности, общая тенденция в приведенных данных выражена более чем четко. Она рисует картину крайне низкой обеспеченности хозяйств всех социальных групп орудиями труда. Правда, относительно усовершенствованного инвентаря (железные плуги, букеры и т.д.) байские хозяйства имели заметно выраженные преимущества. Если же взять хозяйства, выделенные в среднеобеспеченную группу, то большая часть принадлежащего им инвентаря была простейших видов (омач, саман, деревянные сохи и т.д.). Следовательно, здесь преобладал инструментарий традиционного типа, воспроизводство которого базировалось соответственно на традиционной основе и носило внутрисекторный характер.

Таким образом, какие бы параллели мы не рассматривали, в каких бы направлениях не выстраивали анализ имеющегося материала, в фокусе всегда обнаруживается слабая зависимость воспроизводства средств производства от рынка, когда абсолютно подавляющая часть продукта поступала в воспроизводственный процесс без участия товарно-денежных связей.

В сравнительном большем объеме рыночные связи охватывали ту сферу воспроизводственного процесса, которая была связана с личным потреблением. Однако и здесь характер соотношения между товарным и натуральным компонентами ещё не вылился в какую – то однозначную тенденцию.

Если условно расчленить фонд личного потребления на непродовольственную и продовольственную части, то в первом случае можно будет заметить некоторое оживление процессов товаризации. И это понятно, так как потребление товаров непродовольственной группы в обход рынка (т.е. через внутренние резервы натурального хозяйства или прямой продуктообмен) было практически трудно осуществимо. Диверсификация структуры потребления за счет товаров промышленного происхождения делала необходимыми контакты с рынком, что собственно подтверждается многочисленными источниками. Так, отчеты о ярмарочной торговле говорят о том, что спрос на эти товары почти никогда не удовлетворялся полностью и многократно превышал их предложение. С рынка приобретались, в основном предметы первой необходимости: мануфактура, скобяные товары, одежда и обувь, керосин, спички и т. д. Расходы на предметы длительного пользования были очень незначительны (ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 1. Д. 124. Л. 23-26; ЦГА РК. Ф. 1020. Оп. 2. Д. 78. Л. 35, Л. 140–141).

Продовольственная часть личного потребления обеспечивалась преимущественно за счет собственного хозяйства крестьянина. Товарное возмещение распространялось главным образом на такие продукты, как сахар, соль, чай и т. д. Наибольшие затраты во всех группах хозяйств выпадали на продукцию растениеводства (иногда до четверти всех расходов на воспроизводство рабочей силы) (Состояние, 1930: 94–97). Земледельческие и земледельческо-скотоводческие хозяйства обращались к рынку по поводу этой группы продуктов с тем, чтобы частично компенсировать сбой в собственном производстве (неурожаи, засуха и т.д.) или дополнить потребление до физиологически необходимых норм. Что касается кочевых и полукочевых хозяйств, то здесь продукты растениеводства были призваны

ликвидировать характерный для пищевого рациона скотоводов дефицит углеводов, без которых поддерживать энергетический баланс в человеческом организме невозможно.

Описанная выше структура фонда личного потребления в принципе отражает тот характер воспроизводства рабочей силы, который был свойствен для большинства территорий и хозяйственно-типовых зон республики. На этот счет можно привести немало самых разноплановых свидетельств. В качестве типичной иллюстрации могут служить, например, материалы, полученные путем анализа 22 бюджетов хозяйств Алматинского уезда Джетысуйской губернии (1926 г.). Бюджетные обследования проводились экспедицией Среднеазиатского госуниверситета, поставившей целью выяснить объем рыночных связей казахского хозяйства. В разработку вошли 15 маломощных, 4 среднеобеспеченных и 3 зажиточных хозяйства скотоводческого направления. В результате были получены следующие усредненные показатели приобретений на рынке (таблица 4) (Шулков, 1928: 66).

Таблица 4. Усредненные показатели приобретений на рынке
[Table 4. Average indicators of acquisitions on the market]

Товар	% % *	Руб.	В том числе (руб.) За деньги натурой	
Продукты питания	25,23	58,71	34,45	22,26
В том числе:				
Хлебопродукты	13,87	32,28	14,13	18,15
Мясопродукты	0,49	1,15	0,33	0,82
Сахар	3,01	7,01	6,90	0,11
чай	6,71	15,62	14,04	1,58
Одежда и обувь	30,56	71,10	69,74	1,36
В том числе:				
Мануфактура фабричная	26,07	60,66	59,30	1,36
Освещение и отопление	0,80	1,85	1,85	-
В том числе:				
Керосин	0,67	1,55	1,55	-
спички	0,13	0,30	0,30	-

Процент выведен по отношению к сумме всех затрат, выразившихся в 232,68 руб. (производственные нужды, сельхозналог, выплата долгов и т.д.).

Из этого расклада видно, что товарные формы отнюдь не вытеснили натуральных отношений: последние явно доминируют по целому ряду компонентов. Аналогичная картина, но с небольшими поправками в сторону специфики хозяйственной ориентации наблюдалась в ареалах распространения земледельческой и комплексной форм хозяйства.

Завершая анализ основных характеристик процессов товаризации в казахском ауле, попытаемся высказать некоторые суждения. Прежде всего обратим внимание на глубоко натуральный характер производственного потребления. Товарный продукт в воспроизводстве вещных факторов производства так и не поднялся до функционально значимой роли. Далеко не контрарные явления наблюдались в воспроизводстве рабочей силы. Опосредованное товарно-денежными отношениями возмещение средств существования еще не достигло уровня, достаточного для констатации товарной эволюции хозяйства. Хотя надо сказать, что в сфере личного потребления можно было заметить отдельные черты мелкотоварного производства.

Таким образом, интеграция казахских хозяйств в опосредованное рынком общественное разделение труда шла медленно, не втягивая основную массу населения, которая, если придерживаться строгих критериев, продолжала функционировать по законам натурально-автаркичного хозяйства. Иначе говоря, в казахском ауле накануне сплошной коллективизации решающей детерминантной выступали натуральные отношения. В большинстве своем крестьянские хозяйства аула были представлены простыми производителями меновых стоимостей, осуществлявшими воспроизводство на натуральной основе, но отнюдь не товаропроизводителями, в их точном политэкономическом понимании. Одним словом, степень натуральности хозяйств по значимости в них природных факторов труда была намного большей, чем об этом можно было судить по размерам крестьянских покупок и продаж.

К сожалению, в силу отсутствия специально ориентированных статистических разработок границы мелкотоварного уклада не поддаются количественно точным оценкам. Так, практически не представляется возможным выяснить, сколько собственно процентов хозяйств являлись мелкотоварными, каков удельный вес их производства в валовом объеме продукции аграрного сектора, какая доля всего занятого населения была сосредоточена в этом сегменте структуры. Но если бы даже такие данные и существовали, то, видимо, нам пришлось бы констатировать параметры отнюдь не столь значительные, как это еще представляется в ряде исследований. Скорее, наоборот, цифровые выкладки больше бы говорили о слабости мелкотоварного производства и относительной ограниченности его развития в ауле.

Думается, что на теоретико-методологическом (качественном) уровне зондирования проблемы веские аргументы в пользу такого предположения могут быть получены по мере включения в исследовательскую процедуру метода обратных связей. В нашем случае в его основу положен такой подход, когда предпосылки, обязательные для выделения мелкого производства в мелкотоварный уклад, выверяются на свою данность в плоскости конкретно – исторической действительности. Другими словами, качественные характеристики интересующей нас эволюции рассматриваются через анализ внутренней способности традиционной аграрной структуры генерировать те принципиально важные условия, при наличии которых только и возможны становление и развитие мелкотоварного уклада.

Для начала попытаемся проследить логическую «состыкованность» по линии посылки, постулирующей, что движение в сторону товарных отношений невозможно без общественного разделения труда и более или менее приемлемого роста его производительности. Имел ли место этот момент?

Как известно, для казахского аула с его традиционной структурой производительных сил было характерно столь сильное преобладание живого труда над трудом овеществленным, что дисбаланс этот выделялся своей гипертрофированностью даже на фоне всей отсталой аграрной экономики. В силу того, что кочевое скотоводство выступало в качестве своеобразного «верхнего этажа природных биогеоценозов», оно не допускало больших сложений овеществленного труда, имея в этом отношении довольно жесткий биологический предел (Данилова, 1981: 124). Земледелие по сравнению с кочевым хозяйственным комплексом имело большие преимущества, однако и оно, будучи глубоко экстенсивным по своему характеру, абсорбировало значительные затраты массы труда многократно возрастающие в условиях аридной зоны. Понятно, что все это предопределяло как бы изначальную заданность относительно низкого уровня производительной силы труда и слабых (при данном состоянии производительных сил) перспектив к ее росту. Следовательно, уже в контексте первого же условия обнаруживаются серьезные противоречия.

Относительно низкая производительность труда, в свою очередь, ограничивала круг накапливающих, т.е. производящих прибавочный продукт, хозяйств. Но если даже абстрагироваться от этого важного обстоятельства (как поступают некоторые авторы) и допустить, что в казахском ауле существовал достаточно широкий горизонт таких хозяйств, то и в этом случае противоречия не устраняются. И главным образом, потому что здесь выдвигается еще одно принципиальное требование: субъект хозяйствования должен обладать фактическим правом реализации собственности на условия производства и создаваемый прибавочный продукт.

В традиционном аграрном обществе этот императив в абсолютном большинстве случаев не достигался. Переход «от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности», породил симбиоз двух фундаментальных начал – коллективного и индивидуального. Их единство и борьба составляли суть дуалистической структуры общины. «Коллективное» проявлялось через общинное владение и распоряжение землей, в пределах которых личная собственность на это важнейшее средство и условие производства сводилась на нет. Отсюда ясно, что конкретный трудящийся индивид не мог обладать абсолютной монополией на условия собственного производства.

Что касается фактического права реализации собственности на прибавочный продукт, то здесь сказывалось воздействие механизма докапиталистической эксплуатации, выполнявшего в казахском ауле роль сильнейшего социального депрессанта. В рамках его функционирования перераспределение созданного продукта постоянно балансировало на грани критического предела, нередко захватывая ту сторону, где начиналось его необходимая часть, идущая на собственное воспроизводство трудящихся индивидов.

В тех случаях, когда норма эксплуатации не исчерпывала всей массы прибавочного продукта, «распыление» ее остатков или части их нередко довершали различные институциональные формы расточительного отчуждения. Разворачивавшиеся в их гамме ритуально-обрядовые действия были достаточно многочисленны, чтобы потребовать от хозяйствующих субъектов огромного напряжения средств. Здесь были и самые различные торжества (той), и поминания умерших (ас), и этикет гостеприимства (конак-асы) и т.д., и т.п. Устроители того или иного обрядового мероприятия хорошо осознавали, что, в свою очередь, сами станут субъектами нормативного отчуждения. Подобная циркуляция материальных благ и услуг (каждая дача должна была возмещаться по крайней мере эквивалентной отдачей), обозначенная в этнографической литературе термином «реципрокация», носила жесткий проскрипционный характер. Игнорирование этого функционального элемента системы социальных кодов, выработанной традиционной социокультурой, практически не допускалось. Альтернативный прецедент был сопряжен если не с «моральным террором», то во всяком случае с утратой престижа.

Неразвитость процесса приватизации, при которой принцип частной собственности не получал безусловного статуса, воспроизводилась на постоянной основе механизмом межличностных отношений. Следовательно, имел место своеобразный порочный круг, разрыв которого для потенциально товаропроизводителя был возможен только при условии его вычленения из замкнутой системы традиционных социальных отношений. В противном случае он был обречен оставаться несамостоятельным (в том числе в отношении условий производства и распоряжения прибавочным продуктом), принадлежащим к особой корпоративной структуре «в отличие от общества, где индивид освобожден от всех форм личной зависимости и связан с другими людьми лишь в процессе деятельности, создающей меновую стоимость и утверждающей товарно-денежные отношения» (Ерасов, 1982: 23).

Сказанное надо понимать так, что логика становления простого товарного производства в развитии иерархии своих необходимых предпосылок предполагала еще одно обязательное (как выяснилось выше) условие – полную (хотя бы и относительно) индивидуализацию хозяйства и высвобождение его от пут корпоративно-общинных связей. Не случайно К. Маркс отмечал, что «бытие людей как товаропроизводителей ... становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни» (Маркс, Энгельс, т. 23, 1960: 89).

Однако в казахском ауле тенденции, возможные в этом направлении, блокировались целой суммой факторов. В экономическом аспекте сдерживающим моментом выступало, в частности, то обстоятельство, что доступ к средствам производства обеспечивался во многом лишь благодаря членству в общине, ибо каждый отдельный индивид являлся собственником только в качестве части этого коллектива (т.е. общины), в качестве его члена. Кроме того, следует иметь в виду, что в силу особенностей хозяйственно – культурной деятельности воспроизводство средств производства вне общинной кооперации представлялось проблематичным, поскольку только по мере реализации принципа взаимодополняемости достигался требуемый для этого производственно-технологический оптимум.

Специфические противоречия материальной субстанции служили питательной средой для формирования соответствующего эмоционального слоя общественного сознания. Конформизм и тотальный корпоративный дух, направлявшие процесс социализации индивидов, жестко закрепляли приоритет консервативных форм социального фетишизма. Сращенность производителя с условиями производства проецировала в массовом создании синкретизм субъективных и объективных факторов, подавляла в нем личностное «я-сознание». Понятно, что при таких условиях выход за пределы «локализованного микрокосма» (по образному определению К. Марксом общины) отождествлялся чуть ли не с крушением социального бытия. Отнюдь не случайно устное народное творчество казахов фиксирует множество пословиц и поговорок примерно такого типа: «чем быть султаном в чужом роде, лучше быть рабом в своем» или «если погибнуть, то лучше со всем родом вместе» и т. д.

Таким образом, возможности вызревания в недрах традиционных сельских структур условий для эндогенного (т.е. идущего от внутренней логики саморазвития) зарождения и развития простого товарного производства блокировались комплексом сильных ограничителей. Только с их устранением товарное производство в ауле могло рассчитывать на какую-то перспективу.

Попытки решить эту задачу предпринимались в процессе социально-экономических преобразова-

ний. Однако глубокое разрушение противодействующих факторов или их полная нейтрализация при этом не достигалась. И только с проведением сплошной коллективизации и массового оседания кочевых и полукочевых хозяйств влияние блока ограничителей было «снято».

Но вместе с этим процессом, а точнее, в русле его было окончательно прервано потенциальное развитие и самого мелкотоварного уклада, ибо извечный дуализм общины (коллективное и частное начала) был устранен и заменен на столь же противоречивую структуру, где роль верховного редистрибутора играло уже государство, монополизировавшее отношения собственности на средства производства. Что касается потенциальной (при условии дальнейшей эволюции) базы мелкотоварного уклада в виде традиционного массива, то он также перестал существовать, утратив старое качество и большей частью вынужденно интегрировавшись в более динамично развивающийся уклад. Одним словом, уже к 1930-м гг. зачатки мелкотоварного уклада вообще исчезли с арены экономической жизни аула, так и не получив более или менее масштабного производства.

Sources

CSA RK — Central State Archive of the Republic of Kazakhstan

Источники

ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан

References

Amantaev, 1969 — *Amantaev B.A.* Socializm i korennoe preobrazovanie social'noj prirody kazahskogo krest'janstva (Opyt istoriko-sociologicheskogo issledovanija) [Socialism and the radical transformation of the social nature of the Kazakh peasantry (Experience of historical and sociological research)]. Alma-Ata: Nauka, 1969. 451 p. (In Russ.)

Danilov et al., 1977 — *Danilov V.P., Danilova L.V., Rastjannikov V.G.* Osnovnye jetapy razvitija krest'janskogo hozjajstva [The main stages in the development of the peasant economy]. Agrarnye struktury stran Vostoka: Genezis, jevoljucija, social'nye preobrazovanija. Moscow: Nauka, 1977. 278 p. (In Russ.)

Danilova, 1981 — *Danilova L.V.* Prirodnye i social'nye faktory proizvoditel'nyh sil na dokapitalisticheskikh stadijah obshhestvennogo razvitija [Natural and social factors of productive forces at the pre-capitalist stages of social development]. Obshhestvo i priroda. Istoricheskie jetapy vzaimodejstvija. Moscow: Nauka, 1981. 344 p. (In Russ.)

Dahshlejger, 1965 — *Dahshlejger G.F.* Social'no-jekonomicheskie preobrazovanija v aule i derevne Kazahstana (1921–1929 gg.) [Socio-economic transformations in the aul and village of Kazakhstan (1921–1929)]. Alma-Ata: Nauka, 1965. 536 p. (In Russ.)

Dahshlejger, Nurpeisov, 1985 — *Dahshlejger G.F., Nurpeisov K.N.* Istorija krest'janstva Sovetskogo Kazahstana [History of the peasantry of Soviet Kazakhstan]. Vol. 1. Alma-Ata: Nauka, 1985. 247 p. (In Russ.)

Erasov, 1982 — *Erasov B.S.* Social'no-kul'turnye tradicii i obshhestvennoe soznanie v razvivajushhihsja stranah Azii i Afriki [Socio-cultural traditions and public consciousness in the developing countries of Asia and Africa]. Moscow: Nauka, 1982. 280 p. (In Russ.)

Kazakhstan, 1932 — *Kazakhstan: voprosy jekonomicheskogo razvitija vo vtoroj pjatiletke* [Kazakhstan: Issues of Economic Development in the Second Five-Year Plan]. Proceedings of the conference on the study of the productive forces of Kazakhstan, held at the Academy of Sciences of the USSR on February 20–26, 1932. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1932. 486 p. (In Russ.)

Ko vsem trudjashhimsja Kazahstana, 1928 — *Ko vsem trudjashhimsja Kazahstana. Ko vsem aul'nym batrakam, bednjakam serejnjakam* [To all working people of Kazakhstan. To all aul laborers, poor middle peasants]. Narodnoe hozjajstvo Kazahstana. 1928. No.11. 128 p. (In Russ.)

Kognitivnye struktury, 2022 — Kognitivnye struktury i politjekonomija socializma v SSSR [Cognitive structures and political economy of socialism in the USSR]. Saint-Petersburg: Aletejja, 2022. 368 p. (In Russ.)

Kshibekov, 1963 — *Kshibekov D.* O zakonomernostjah zameny dokapitalisticheskikh proizvodstvennyh otnoshenij socialisticheskimi [On the laws governing the replacement of pre-capitalist production relations by socialist ones]. Alma-Ata: Izdatel'stvo AN KazSSR, 1963. 251 p. (In Russ.)

- Lenin, 1965–1975 — *Lenin V.I.* Polnoe sobranie sochinenij [Full composition of writings]. Vol. 1. Moscow: Politizdat, 1965–1975. 87 p. (In Russ.)
- Marks, Jengel's, 1960 — *Marks K., Jengel's F.* Sochinenija [Writings]. Vol. 23. 1960. 907 p. (In Russ.)
- Marks, Jengel's, 1973 — *Marks K., Jengel's F.* Sochinenija [Writings]. Vol. 47. 1973. 659 p. (In Russ.)
- Materialy, 1928 — Materialy k otchetu CIK KASSR na III sessii VCIK 13-go sozyva [Materials for the report of the CEC of the KASSR at the III session of the All-Russian Central Executive Committee of the 13th convocation]. Kzyl-Orda, 1928. 187 p. (In Russ.)
- Narodnoe hozjajstvo, 1930 — Narodnoe hozjajstvo Kazahstana [National economy of Kazakhstan]. Alma-Ata: Izdaniye Gosplana KSSR, 1930. No. 1–2. (In Russ.)
- Rastjannikov, 1973 — *Rastjannikov V.G.* Agrarnaja jevoljucija v mnogoukladnom obshhestve: opyt nezavisimoj Indii [Agrarian Evolution in a Diverse Society: The Experience of Independent India]. Moscow: Nauka, 1973. 446 p. (In Russ.)
- Rastjannikov, 1971 — *Rastjannikov V.G.* Problemy sel'skohozjajstvennogo rosta v razvivajushhihsja stranah Azii [Problems of Agricultural Growth in Developing Asian Countries]. Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija]. 1971. No. 1. 63 p. (In Russ.)
- Shirokov, 1976 — *Shirokov G.K.* Jevoljucija tovarnogo hozjajstva v kolonial'noj Indii [The evolution of the commodity economy in colonial India]. Tovarno-denezhnye otnoshenija v jekonomike Indii. Moscow: Nauka, 1976. 232 p. (In Russ.)
- Semevskij, 1941 — *Semevskij B.N.* Jekonomika kochevogo hozjajstva Kazahstana [The economy of the nomadic economy of Kazakhstan]. Proceedings of the All-Union Geographical Society. Moscow, 1941. Vol. 73. Is. 1. Pp. 103–116. (In Russ.)
- Sostojanie, 1930 — *Sostojanie sel'skogo hozjajstva Kazahskoj ASSR, puti ego reorganizacii i perspektivy pereselenija* [The state of agriculture in the Kazakh ASSR, the ways of its reorganization and the prospects for resettlement]. Moscow: CIK SSSR, 1930. 184 p. (In Russ.)
- Studeneckij, 1929 — *Studeneckij L.I.* Oчерки po jekonomike kazakskogo hozjajstva. 1928–1929 [Essays on the economy of the Kazakh economy. 1929]. Vol. 4. Omsk: Publishing house of West Siberian Department of the Russian Geographical Society, 1929. 124 p. (In Russ.)
- Togzhanov, 1927 — *Togzhanov G.* O kazahskom aule [O kazahskom aule]. Kyzyl-Orda: Kazgosizdat 1927. 70 p. (In Russ.)
- Shirokov, 1976 — *Shirokov G.K.* Jevoljucija tovarnogo hozjajstva v kolonial'noj Indii [The evolution of the commodity economy in colonial India]. Tovarno-denezhnye otnoshenija v jekonomike Indii. Moscow: Nauka, 1976. 232 p. (In Russ.)
- Shulkov, 1928 — *Shulkov P.S.* Ob'em rynochnyh svjazej kazahskogo hozjajstva [The volume of market relations of the Kazakh economy]. Narodnoe hozjajstvo Kazahstana. Alma-Ata: Izdaniye Gosplana KSSR, 1928. No. 11–12. 66 p. (In Russ.)

Литература

- Амантаев, 1969 — *Амантаев Б.А.* Социализм и коренное преобразование социальной природы казахского крестьянства (Опыт историко-социологического исследования). Алма -Ата: Наука, 1969. 451 с.
- Данилов и др., 1977 — *Данилов В.П., Данилова Л.В., Растяников В.Г.* Основные этапы развития крестьянского хозяйства // Аграрные структуры стран Востока: Генезис, эволюция, социальные преобразования. М.: Наука, 1977. 278 с.
- Данилова, 1981 — *Данилова Л.В.* Природные и социальные факторы производительных сил на докапиталистических стадиях общественного развития // Общество и природа. Исторические этапы взаимодействия. М.: Наука, 1981. 344 с.
- Дахшлейгер, 1965 — *Дахшлейгер Г.Ф.* Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929 гг.). Алма-Ата: Наука, 1965. 536 с.
- Дахшлейгер, Нурпеисов, 1985 — *Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К.Н.* История крестьянства Советского Казахстана. Т. 1. Алма-Ата: Наука, 1985. 247 с.
- Ерасов, 1982 — *Ерасов Б.С.* Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М.: Наука, 1982. 280 с.

- Казахстан, 1932 — *Казахстан*: вопросы экономического развития во второй пятилетке // Труды конференции по изучению производительных сил Казахстана, состоявшейся в АН СССР 20-26 февраля 1932 г. М.: Издательство АН СССР, 1932. 486 с.
- Ко всем трудящимся Казахстана, 1928 — *Ко всем трудящимся Казахстана*. Ко всем аульным батракам, бедняками середнякам // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 11. 128 с.
- Когнитивные структуры, 2022 — Когнитивные структуры и политэкономия социализма в СССР. СПб.: Алетейя, 2022. 368 с.
- Кшибеков, 1963 — *Кшибеков Д.* О закономерностях замены докапиталистических производственных отношений социалистическими. Алма-Ата: Издательство АН КазССР, 1963. 251 с.
- Ленин, 1965 — *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т.1. М.: Политиздат, 1965–1975. 87 с.
- Маркс, Энгельс, 1960 — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 907 с.
- Маркс, Энгельс, 1973 — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 47. М.: Государственное издательство политической литературы, 1973. 659 с.
- Материалы, 1928 — Материалы к отчету ЦИК КАСССР на III сессии ВЦИК 13-го созыва. Кзыл-Орда, 1928. 187 с.
- Народное хозяйство, 1930 — Народное хозяйство Казахстана. Алма-Ата: Издание Госплана КССР., 1930. № 1–2.
- Растянный, 1973 — *Растянный В.Г.* Аграрная эволюция в многоукладном обществе: опыт независимой Индии. М.: Наука, 1973. 446 с.
- Растянный, 1971 — *Растянный В.Г.* Проблемы сельскохозяйственного роста в развивающихся странах Азии // *Мировая экономика и международные отношения*. 1971. №1. 63 с.
- Широков, 1976 — *Широков Г.К.*, Эволюция товарного хозяйства в колониальной Индии // *Товарно-денежные отношения в экономике Индии*. М.: Наука, 1976. 232 с.
- Семевский, 1941 — *Семевский Б.Н.*, Экономика кочевого хозяйства Казахстана // *Известия Всесоюзного географического общества*. Т. 73. Вып. 1 М., 1941. С. 103–116.
- Состояние, 1930 — Состояние сельского хозяйства Казахской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения. М.: ЦИК СССР, 1930. 184 с.
- Студенецкий, 1929 — *Студенецкий Л.И.* Очерки по экономике казахского хозяйства. 1928–1929. Т. 4. Омск: Издание Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, 1929. 124 с.
- Тогжанов 1927 — *Тогжанов Г.* О казахском ауле. Кзыл-Орда: Казгосиздат, 1927. 70 с.
- Широков, 1976 — *Широков Г.К.* Эволюция товарного хозяйства в колониальной Индии // *Товарно-денежные отношения в экономике Индии*. М.: Наука, 1976. 232 с.
- Шулков, 1928 — *Шулков П.С.* Объем рыночных связей казахского хозяйства // *Народное хозяйство Казахстана*. Алма-Ата: Издание Госплана КССР, 1928. № 11–12. 66 с.

МАЗМҰНЫ

ТЕОРИЯ ЖӘНЕ ӘДІСНАМА

Абылхожин Ж.Б. 1920 ЖЫЛДАРДАҒЫ АУЫЛДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ТАРИХЫНЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІН ЗЕРТТЕУДЕГІ КЕҢЕСТІК ӘДІСНАМАНЫҢ ЭТАЛОНДЫҚ-НОРМАТИВТІК СТЕРЕОТИПТЕРІНЕ СЫНИ ТАЛДАУ.....	424
Андреев С.Н. КЕҢЕСТІК ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ ОРЫС ТАРИХНАМАСЫНДАҒЫ 1954 Ж. ТЫҢ НАУҚАН.....	439
Панто Д., Калыбекова М. ХАЛЫҚТАРДЫ КҮШПЕН ДЕПОРТАЦИЯЛАУ КСРО ҰЛТТЫҚ САЯСАТЫНЫҢ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ: ҚАЗАҚСТАННЫҢ ПОЛЯКТАРЫ.....	453

ТАРИХ

Алпысбес М.А., Алеушинов Ф.Т. ЕДИГЕ БИДІҢ ҰЛЫҚ ҰЛЫС (АЛТЫН ОРДА) ТАРИХЫНДАҒЫ ОРНЫ.....	464
Берлібаев Е.Т., Шамшиденова Ф.М., Жұбанышов Б.Т. XX ҒАСЫРДЫҢ 20-40 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ АСТЫҚ, ЕТ ЖИНАУ НАУҚАНЫНЫҢ ЗАРДАПТАРЫ.....	479
Гиде ван Каппель ПОЛ АНРИ САПАК СОҒЫС АРАСЫНДАҒЫ КЕЗЕҢ: ҰЛТШЫЛЫҚ МЕН ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ АРАСЫНДА.....	495
Ерменбаева Г.К., Нұрбаев Ж.Е., Сұлтанғазы Г.Ж. XIX ҒАСЫРДАҒЫ ОРЫНБОР ӨЛКЕСІНДЕГІ САЛЫҚТАР МЕН АЛЫМДАРДЫ ӨНДІРІП АЛУ ЖҮЙЕСІ.....	504
Капаева А.Т., Асанова С.А. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ 1921-1922 ЖЫЛДАРДАҒЫ АШАРШЫЛЫҚ: ЗЕРТТЕУ НЫСАНЫН КЕҢЕЙТУ.....	519
Қозыбаева М.М. 1920 ЖЫЛДЫҢ БАСЫНДА ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АШТЫҚҚА ҚАРСЫ КҮРЕСКЕН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҰЙЫМДАР.....	532
Ноғайбаева М.С. АЛТЫН ОРДАДАҒЫ ЭТНИКАЛЫҚ ҮДЕРІСТЕР.....	543
Сандыбаева А., Динашева Л., Тастанбеков М. ТҮРКІСТАН ҚАЛАСЫНЫҢ XIX ҒАСЫРДЫҢ ЕКІНШІ ЖАРТЫСЫ – XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖАҒДАЙЫ.....	556
Стамшалов Е.И. XX ҒАСЫРДЫҢ 30-ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОҢТҮСТІК-ШЫҒЫС Өңіріндегі қарулы босқыншылық: себеп-салдары.....	570
Түрсүн Х., Хакан Ас «АҚ ПАТША» РӘМІЗІ ЖӘНЕ РОМАНОВ ӘУЛЕТІ БИЛІГІНІҢ 300 ЖЫЛДЫҒЫ ҰЛТТЫҚ БАСПАСӨЗДЕ.....	585
Уалтаева А.С., Апендиев Т.А., Марғұлан А. XX ҒАСЫРДЫҢ 20–30 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚАЛА ХАЛҚЫНЫҢ РЕТРОСПЕКТИВАСЫ.....	599

АНТРОПОЛОГИЯ

Буранбаев Р.Н., Камалдинов И.Р. 2022 ЖЫЛЫНДА АСПАРА ҚАЛАШЫҒЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ КЕЙБІР НӘТИЖЕЛЕРІ.....	611
Жалаледин Ш.А. ТОРҒАЙ ДАЛАСЫНЫҢ СӘУЛЕТТІК МҰРАСЫ (1980 ЖӘНЕ 2001 ЖЖ. ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР НӘТИЖЕСІНДЕ).....	626

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИИ

Абылхожин Ж.Б. КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТАЛОННО-НОРМАТИВНЫХ СТЕРЕОТИПОВ СОВЕТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АУЛА 1920-Х ГГ.....	424
Андреев С.Н. ЦЕЛИННАЯ КАМПАНИЯ 1954 Г. В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	439
Панто Д., Калыбекова М. НАСИЛЬСТВЕННАЯ ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ КАК ИНСТРУМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СССР: ПОЛЯКИ КАЗАХСТАНА.....	453

ИСТОРИЯ

Алпысбес М.А., Алеушинов Ф.Т. РОЛЬ ЕДИГЕ БИ В ИСТОРИИ УЛУГ УЛУСА (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ).....	464
Берлибаев Е.Т., Шамшиденова Ф.М., Жубанышов Б.Т. ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ЗЕРНА, МЯСА В 20-40-Е ГОДЫ ХХ ВЕКА.....	479
Гиде ван Каппель ПОЛЬ АНРИ СПААК В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД: МЕЖДУ НАЦИОНАЛИЗМОМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОМ.....	495
Ерменбаева Г.К., Нурбаев Ж.Е., Султангазы Г.Ж. СИСТЕМА ВЗЫСКАНИЙ НАЛОГОВ И СБОРОВ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ В XIX ВЕКЕ.....	504
Капаева А.Т., Асанова С.А. ГОЛОД 1921–1923 ГОДОВ В КАЗАХСТАНЕ: РАСШИРЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО РАКУРСА.....	519
Козыбаева М.М. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ В КАЗАХСТАНЕ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.....	532
Ногайбаева М.С. ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ.....	543
Сандыбаева А., Динашева Л., Тастанбеков М. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА ТУРКЕСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ ХХ ВВ.....	556
Стамшалов Е.И. ВООРУЖЕННОЕ БЕЖЕНСТВО В ЮГО-ВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ КАЗАХСТАНА В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ.....	570
Турсун Х., Хакан Ас СИМВОЛ «БЕЛОГО ЦАРЯ» И 300-ЛЕТИЕ ПРАВЛЕНИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ.....	585
Уалтаева А.С., Апендиев Т.А., Маргулан А. РЕТРОСПЕКТИВА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА В 20–30-Е ГОДЫ ХХ ВЕКА.....	599

АНТРОПОЛОГИЯ

Буранбаев Р.Н., Камалдинов И.Р. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОРОДИЩЕ АСПАРА В 2022 Г.....	611
Жалаледин Ш.А. НАСЛЕДИЕ СТЕПНОГО ЗОДЧЕСТВА ТОРГАЙСКОЙ СТЕПИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1980 И 2001 ГГ.).....	626

CONTENTS

THEORY OF METHODOLOGY

Abylkhozhin Zh.B.

CRITICAL ANALYSIS OF THE REFERENCE AND NORMATIVE STEREOTYPES OF THE SOVIET METHODOLOGY IN THE STUDY OF SOME ISSUES OF AUL SOCIO-ECONOMIC HISTORY IN THE 1920S.....424

Andreenkov S.N.

THE 1954 VIRGIN LANDS CAMPAIGN IN THE SOVIET AND MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPH.....439

Panto D., Kalybekova M.

FORCED DEPORTATION OF PEOPLES AS A TOOL OF THE NATIONAL POLITICS OF THE USSR: POLES OF KAZAKHSTAN.....453

HISTORY

Alpysbes M.A., Aleushinov F.T.

THE ROLE OF EDIGE BI IN THE HISTORY OF THE ULUG ULUS (THE GOLDEN HORDE).....464

Berlibaev E., Zhubanyshov B., Shamshidenova F.

CONSEQUENCES OF THE GRAIN AND MEAT PROCUREMENT CAMPAIGN IN THE 1920S-1940S.....479

Gide Van Cappe

PAUL HENRI SPAAK IN THE INTERBELLUM: BETWEEN NATIONALISM AND INTERNATIONALISM.....495

Yermenbayeva G.K., Nurbayev Zh.Ye., Sultangazy G.Zh.

THE SYSTEM OF COLLECTING TAXES AND FEES IN THE ORENBURG REGION IN THE 19TH CENTURY.....504

Kapayeva A.T., Asanova S.A.

THE FAMINE OF 1921–1922 IN KAZAKHSTAN: EXPANDING THE RESEARCH PERSPECTIVE.....519

Kozybayeva M.M.

INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE FIGHT AGAINST FAMINE IN KAZAKHSTAN IN THE EARLY 1920S.....532

Nogaibaeva M.S.

ETHNIC PROCESSES IN THE GOLDEN HORDE.....543

Sandybayeva A., Dinasheva L., Tastanbekov M.

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE CITY OF TURKESTAN (SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES).....556

Stamshalov Y.I.

ARMED REFUGEES IN THE SOUTH-EASTERN REGION OF KAZAKHSTAN IN THE 1930S: CAUSE AND EFFECT.....570

Tursun Kh., Khakan As

THE SYMBOL OF THE "WHITE TSAR" AND THE 300TH ANNIVERSARY OF THE REIGN OF THE ROMANOV DYNASTY IN THE NATIONAL PRESS.....585

Ualtayeva A.S., Apendiyev T.A., Margulan A.

RETROSPECTIVE OF THE URBAN POPULATION OF KAZAKHSTAN IN THE 1920S AND 1930S.....599

ANTHROPOLOGY

Buranbayev R.N., Kamaldinov I.R.

SOME RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH AT THE ASPARA SETTLEMENT IN 2022.....611

Jalaledin Sh.A.

THE LEGACY OF THE STEPPE ARCHITECTURE OF THE TORGAI STEPPE (BASED ON THE RESULTS OF FIELD STUDIES IN 1980 AND 2001).....626

EDU.E-HISTORY.KZ

электрондық ғылыми

журналы 2023. 10(3)

*Бас редактор:
Қабылдинов З.Е.*

*Компьютерде беттеген:
Зикирбаева В.С.*

Жарияланған күні: 28.09.2023.
Пішімі 70x100/16. Баспа табағы 26,6.

Құрылтайшысы және баспагері:
Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитеті Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМҚ

Редакция мен баспаның мекен-жайы:
050010, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй
ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМҚ
Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

Е-mail: edu.history@bk.ru
Журнал сайты: <https://edu.e-history.kz>

Ш.Ш. Уәлиханов ат. ТжЭИ басылған:
050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй